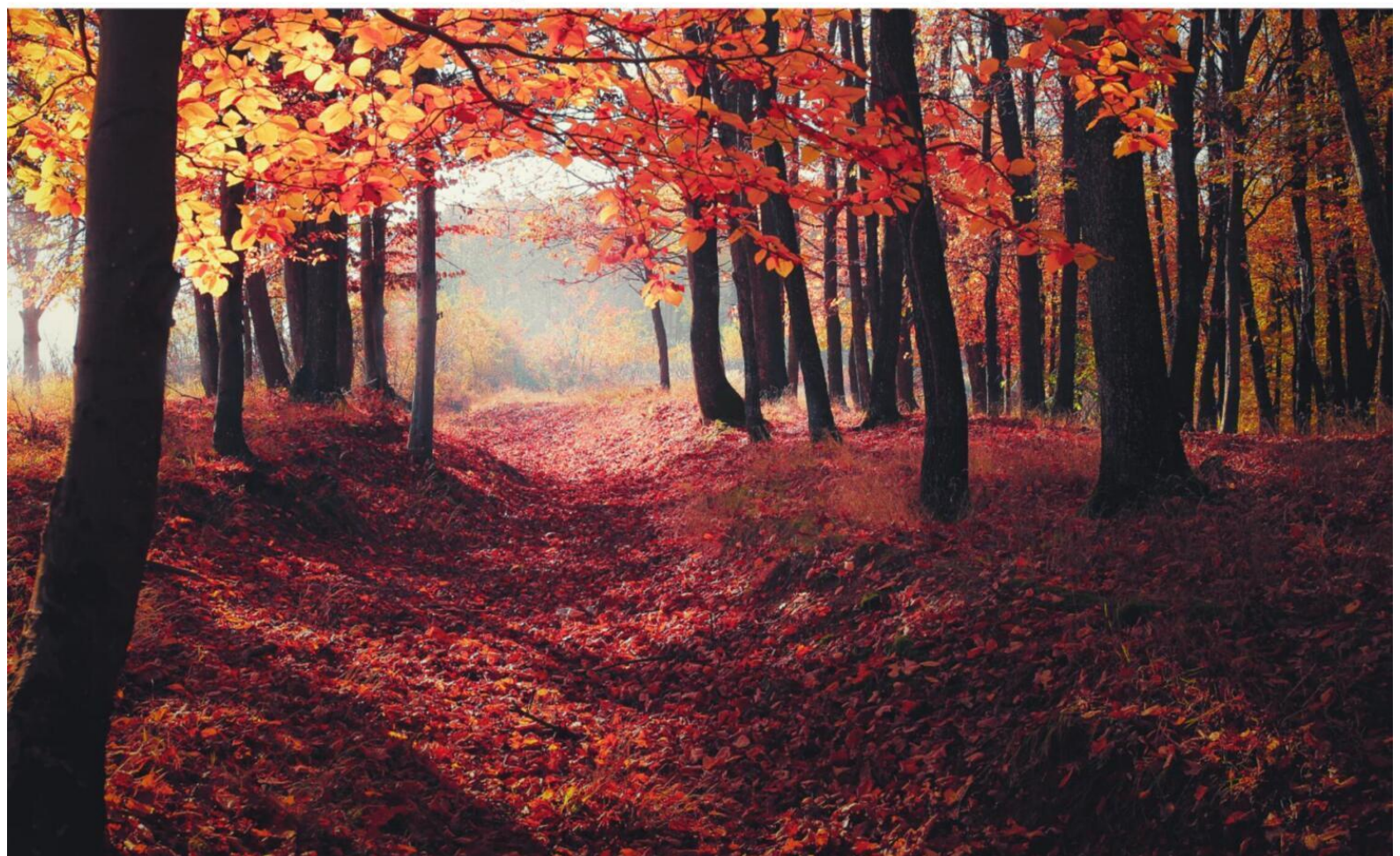

A close-up photograph of several maple leaves in vibrant autumn colors, including shades of orange, yellow, and red. The leaves are slightly out of focus, with a soft bokeh effect in the background.

Екатерина Дроздова

Богоявленское
исторический роман

Длинный список 2020 года Премии «Электронная буква»

Екатерина Дроздова

Богоявленское

«Автор»

2019

Дроздова Е.

Богоявленское / Е. Дроздова — «Автор», 2019 — (Длинный список 2020 года Премии «Электронная буква»)

ISBN 978-5-532-92340-9

Действие романа разворачивается в период с 1905 по 1914 гг., в Богоявленском, имении князя Сенявина, на фоне только что отгремевшей русско-японской войны, "кровавого воскресенья" и революционного движения в России. В этом романе есть место для всего, что привлечёт читателя: и великие исторические реалии, и любовные интриги, и настоящая дружба, и описания давно исчезнувших укладов жизни, и возможность провести сравнение эпохи ушедшей с днем сегодняшним, с вызовами, которое сто лет спустя нам снова предлагает время.

ISBN 978-5-532-92340-9

© Дроздова Е., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Том I	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	31
Глава 10	33
Глава 11	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Екатерина Дроздова

Богоявленское

Все персонажи этого романа являются вымышленными,
и любое совпадение с реально живущими
или когда-либо жившими людьми случайно.

Том I

«Для меня Россия – особая, третья цивилизация, которая всегда существовала между двумя другими – западной и восточной цивилизациями. И до тех пор, пока мы сами не признаем себя этой цивилизацией, дело у нас не сдвинется с мёртвой точки».

С. Алексеев

Глава 1

Январским утром по городской брусчатке, шёл, время от времени задорно подпрыгивая, девятилетний мальчик. Он напевал что-то себе под нос, был весел и красив. Его большие серые глаза наполняло тепло и детское озорство. Следом за ним, опираясь на трость, шёл молодой мужчина, статный и аккуратно одетый. Во внешности его всё говорило о породе и высоком происхождении, а легкая хромота только придавала шарма. И лишь тяжелый взгляд тёмно-карих глаз выдавал строгость нрава и пережитые невзгоды.

Это морозное утро не предвещало ничего плохого. Отец и сын не спеша прогуливались по заснеженному Петербургу после посещения кадетского корпуса, в который стремился определить своего сына молодой князь Петр Иванович Сенявин. Но неожиданный шум заставил князя вернуться из приятной задумчивости и сосредоточиться на этих нарушающих утреннюю тишину звуках. Шум приближался всё ближе и ближе, отчётливо соединяясь в отзвук тысяч ног, стучащих по земле, и тысяч голосов, гудящих в воздухе. Он будто со всех сторон надвигался прямо на них. Несколько человек, проходивших неподалёку, также остановились, вслушиваясь в глухой рокот, прорывающийся непонятно откуда.

– Андрей, не убегай далеко! – ещё не понимая, что происходит, но уже с волнением окликнул Петр Иванович заигравшегося сына.

Внезапно улице стали заполнять десятки солдат и полицейских, а с разных сторон Зимнего дворца и набережной Невы завиднелась огромная толпа народа, устремившаяся к Зимнему. Петр Иванович понял, что весь этот шум вызван многолюдной демонстрацией, собравшейся этим воскресным утром в две большие колонны. Они были так велики, что, казалось, насчитывают не одну тысячу человек. Это были петербургские рабочие.

Люди шли спокойно и степенно, разлившись по улице, как река по весне; все нарядно одетые, будто и не демонстрация это вовсе, а праздничное гуляние. Многие несли перед собой портреты императора Николая II.

Одну из колонн демонстрантов возглавлял священник, поднявший перед собой крест. Он вёл за собой всех этих людей, как в обетованную землю, но что-то в лице его было неприятное и даже пугающее. Иуда среди апостолов, Каин, а не Авель вёл всех этих людей не в рай, а в самое жерло ада.

Тем временем на тротуарах стала собираться публика, заинтересованная неожиданным представлением.

Петр Иванович обернулся на Зимний. Флаг над дворцом был спущен. Давняя традиция указывала на то, что императора в столице нет, и едва ли в Петербурге найдётся человек традицию эту не знавший. Раз так, для чего демонстрация в такой день?

Леденящий холод пролился по всему телу Петра Ивановича. Страшные воспоминания давно минувших лет яркой картиной встали перед его глазами.

– Папа, что это? Кто все эти люди? – с живым любопытством спросил маленький Андрей, глядя в происходящее, словно в карнавал.

Не отвечая на вопросы сына, Петр Иванович крепко взял его за руку и, опираясь на трость, стараясь как можно быстрее идти, направился прочь от Зимнего дворца, минуя солдатские кордоны. Но у Александровского сада они снова наткнулись на живую стену из серых шинелей. Солдаты Преображенского полка пытались сдержать толпу митингующих. Жуткий шум закладывал уши. С одной стороны на разный лад демонстранты кричали, озвучивая свои требования к императору и правительству. С другой стороны солдаты, пытаясь перекрыть их, убеждали в необходимости разойтись, объясняли, что императора в столице нет, и, судя по охрипшим голосам, убеждали уже довольно долгое время. К сожалению, все просьбы солдат били тщетны.

Мороз и ветер пронизывали и одних, и других, но каждый продолжал стоять на своём.

– Господин прапорщик! – едва слыша себя, обратился Петр Иванович к одному из офицеров. – Господин прапорщик! Не могли бы вы нам помочь выбраться отсюда?!

– Что?! Не слышу! – ответил тот.

– Не могли бы вы...

Но в этот момент речь князя Сенявина прервали выстрелы, и рядом с ним упал молодой унтер-офицер. Пораженный пулей в живот, он корчился от боли. Кровь сочилась сквозь пальцы, оставляя пятна на заснеженной брусчатке. Мгновенно прозвучал ответный выстрел. Страшный крик прокатился в толпе, и несколько человек демонстрантов замертво упали на землю. Солдаты принялись стрелять в безоружных людей, не сумев совладать с нервами и поддавшись на провокацию. Демонстранты стали разбегаться, охваченные паникой, но пули продолжали лететь им в спины. И едва затихли звуки выстрелов, как громынули, следуя один за другим, два пушечных залпа.

Прижав к себе как можно крепче сына и закрыв ему глаза ладонью, князь Петр Иванович Сенявин наблюдал разыгравшуюся трагедию. Ужасающая картина лежащих в снегу и истекающих кровью людей перемешалась в его сознании с картиной, казалось бы, уже забытой трагедии девятилетней давности, когда такие же ни в чём не повинные люди, окровавленные, раздавленные, лежали в огромном поле, в пыли.

Петр Иванович пригнулся, закрывая собой сына. Внутри него все затряслось от творившегося наяву кошмара. Отчаянье в глазах беспомощных людей, мольбы о помощи, стоны, расколовшаяся надвое от пулевого попадания икона, портрет императора на снегу и стекающая на него кровь убитого демонстранта.... И словно с небес сошедший близкий знакомый голос:

– Петя!!!

Глава 2

В кабинете было тепло, а потрескивание в камине почти усыпляюще действовало на Петра Ивановича. Впрочем, этот камин с извивающимися линиями, растительным декором на облицовке одним своим видом завораживал и успокаивал. Ценитель изысканной красоты, Петр Иванович с удовольствием разглядывал стены в верхней своей части затянутые шёлком, с вмонтированным ниже дубовым цоколем. Украшенная растительным орнаментом стена как бы росла вверх от пола к гладко окрашенному потолку, в центре которого сверкала хрустальная люстра. Рисунок наборного узорчатого пола также повторял переплетение стеблей цветов. Даже мебельный гарнитур кабинета плавностью линий походил на сказочный лес. Но сильнее прочего внимание Петра Ивановича привлекли большие витражные окна. При попадании лучей солнца на них каждое стёклышко подмешивало свой неповторимый цвет, и вся картина постоянно изменялась. Такой красотой хотелось наслаждаться с утра и до вечера, пока солнце не сядет за горизонт.

Но вот дверь в кабинет отворилась, и на пороге появился молодой мужчина необыкновенно привлекательной европейской наружности. Прекрасно сложенный, с утонченными чертами лица и пышной светло-русой шевелюрой.

– Сейчас Марта принесёт чай, – с характерным немецким акцентом сказал он. – Андрей уснул, можешь не волноваться. Ах, друг мой, я не верю своим глазам, глядя на тебя. Сколько мы не виделись? Девять лет?

– Да, Михаэль, девять лет и при встрече ты снова спасаешь мне жизнь, – улыбнулся князь Сенявин в ответ. – Спасибо, друг мой! – добавил он, взяв Михаэля за руку.

– Ну-ну, стоит ли об этом говорить?

– А я вот люблюсь твоим кабинетом, – сказал Петр Иванович. – Какая изысканная красота во всём. Особенно хороши эти витражные окна.

– Это стекла Ла Фаржа. Заказывали из Америки. И стоимость их, надо сказать... – Михаэль тихонько засвистел, кружа головой. – Впрочем, всё это Марта. Когда мы переехали сюда из Москвы, она всё устроила на свой вкус.

– Стоит отметить: вкус у Марты отменный! Ваша московская квартира, насколько я помню, была так же хороша. Но, впрочем, что это я об интерьерах? Ты уже капитан. Расскажи лучше, как ты живёшь? Откуда здесь?

– Мой полк дислоцируется здесь, в Санкт-Петербурге. После Москвы я получил новый чин и перевод в 145-й пехотный Новочеркасский Императора Александра III полк. Разумеется, он сейчас, как и вся дивизия, на театре боевых действий. Наше первое сражение произошло в Хушитае.

– Сражение при Шахе? Как же, читал-читал. Герои, как есть герои.

– Всё так, герои, но ещё и потому, что ценою своих жизней эти сотни убитых многому научили нас, оставшихся в живых. Теория, учения – ничто рядом с настоящим сражением. Это было в сентябре, наш полк занял позицию на Двурогой сопке, у деревни Тай-хайши. Там мы были окружены японцами. До рассвета мы отбивали атаку за атакой. К чертям теорию, пробились штыками, врукопашную. Это был подлинный ад! Только вообрази: кровь приливает к лицу, в висках стучит, во рту всё пересохло, а что впереди – неизвестно. Быть может, смерть. Временами становилось невообразимо страшно. Да-да, признаюсь – страшно.

– Это оттуда ранение? – спросил Петр Иванович.

– Да, и ранение, и чин, и «Георгий» – всё оттуда, – ответил Михаэль, указав на наградной крест святого Георгия четвертой степени.

Немного помолчав, Михаэль сказал:

– Только там я понял, что, в сущности, о войне мы ничего не знали. Война страшна, хитра и непредсказуема. Многому, очень многому нам ещё предстоит научиться, многое узнать, ко многому привыкнуть. И важнее всего, чтобы эта первая в нашей практике война нас пощадила, не растоптала. Слишком многого мы не знали и не хотели знать, и это сейчас нас губит. Поверь: мы не выиграем эту войну. Там, на поле боя, это стало ясно совершенно. Сейчас стремиться нужно лишь к тому, чтобы потери наши не стали катастрофически велики. Более того, как бы жестоко это ни прозвучало, но я ощущаю эту войну как репетицию, тренировку перед чем-то по-настоящему глобальным. Дай Бог, чтобы я ошибался!

При этих словах в кабинет вошла молодая женщина, неся на подносе чай. Черты лица её были немного крупноваты, но привлекательны. Невысокого роста, пышногрудая, с непомерно утянутой корсетом «осиной» талией и узкими покатыми плечами, лёгкая и живая, она больше была похожа на бабочку или весеннюю пташку, нежели на земную женщину. На ней было надето шёлковое, отделанное шитьём, с аппликациями чёрных стрекоз, платье, расклешённая, как колокол, юбка которого напоминала бутон цветка.

– Спасибо, Марта! – поблагодарил жену Михаэль. – По воскресеньям мы отпускаем прислугу, и Марта сама справляется с хозяйством. Постоянно в доме остаётся только русская няня нашей дочери Натали.

– Отчего же не немка? – спросил Петр Иванович.

– Родина Натали здесь, в России. Мы воспитываем её русской девочкой, хотя друг с другом и говорим по-немецки.

– Она так похожа на тебя, Михаэль.

– Ах, Петя, Натали – это вся наша жизнь. Мы почти десять лет ждали этого чуда, и вот пять лет назад Господь наградил нас за терпение. Жаль лишь, что мало времени удаётся проводить с моими драгоценными девочками.

– Служба, – с горечью в голосе сказал Петр Иванович. – Это твой долг! Долг офицера!

– Да, Петя, долг, но там, в Хушитае. А сегодня мне стыдно! Стыдно за себя, за эти погоны, за то, что я офицер! Ты можешь не поверить, но мне жаль, что там, в бою, я был только ранен, а не убит. В случае гибели я бы не проводил свой отпуск в Петербурге и не был бы вызван сегодня в особый гвардейский отряд для разгона демонстрантов.

И, взявшись за голову, Михаэль добавил:

– Что это было такое, Петя? Что-то страшное, что-то непоправимое произошло, и мы этому не воспрепятствовали. Ах, зачем, зачем я сегодня был в Петербурге? Зачем не отбыл раньше? Мне стыдно и страшно!

– Ты спрашиваешь, что это было? Это был бунт, Михаэль. Я хорошо понимаю твои чувства. То, что мы видели сегодня, действительно страшно, но поверь: не пресеки мы этот бунт сегодня, в самом его зародыше, – дальнейшее стало бы страшнее. Тебе нечего стыдиться: ты поступил так, как велит долг! Конечно, подавление бунтовщиков может вызвать ряд нареканий в твой адрес в свете, но ты прежде всего офицер и выполняешь приказы. Более того, этот бунт произошёл в разгар войны, что справедливо можно счесть предательством национальных интересов. В сегодняшней ситуации государство просто обязано сделать всё возможное, чтобы обеспечить внутреннюю стабильность. Послушай, разве не императору ты присягал? Разве не клялся защищать Империю Российскую и монархию?

– Да, присягал! И клялся защищать! Но защищать от врага в бою при Шахе, а не стрелять безоружным в спины! – с горечью крикнул Михаэль. – О да, верность престолу ценится императором!

– Полно, Михаэль, полно! Едва ли сегодняшних бунтовщиков можно назвать безоружными. Послушай: я видел, как стреляли из толпы. Своими собственными глазами видел. Да, у большинства не было винтовок в руках, но безоружными от этого они не стали. Их оружие в другом: они разлагают общество, несут лживые ценности, подрывают страну изнутри. Россия

всё это уже проходила. Дурной пример Великой французской революции, увы, заразителен и крепок. Поверь: пройдет немного времени, и истинные цели сегодняшнего происшествия откроются. И меня больше беспокоит вопрос как? Откуда? Кто за всем этим стоит?

– Петя, это были люди! Простые рабочие люди, пришедшие к царю с просьбами, мольбами. И требования их были оправданны. Ах, если бы можно было всё вернуть, всё изменить! Михаэль, садясь в кресло, снова взялся за голову.

– Что бы ты сделал тогда? – спросил Петр Иванович, садясь рядом. – Пропустил? Дал свободу для дальнейших действий? Это, безусловно, благородно и великодушно, но поверь: в таком случае все эти люди пойдут к Зимнему с оружием в руках.

– Пойдут! – с горечью подхватил речь друга Михаэль. – Пойдут теперь! Непременно и очень скоро. Сегодняшняя кровь приведет их. Пойми, Петя, эти люди – народ! Народ, без которого не может быть ни армии, ни царя, ни России. Я присягал России, а значит и всему русскому народу. И сегодня я обязан был защищать его, а не убивать. И то, что произошло, – это страшная трагедия! Непоправимая ошибка, которая грозит обернуться катастрофой.

– Нет, Михаэль, – спокойно возразил Петр Иванович. – Катастрофы не будет! Теперь не будет! Я лучше знаю этот народ. Нельзя давать волю мужику русскому! Он, как дитя с хрустальной вазой, не знает, как с ней обращаться – разобьет, да и сам поранится. За волей последует анархия. Такую страну нужно держать в кулаке, в страхе, если угодно. Как это делали Петр Великий, Николай Павлович. Все либеральные реформы приводили к бедам. Ты же знаешь, как погиб дед нашего императора?

– Террористов среди этих несчастных не было! Я их не видел. Я видел расстрелянных людей в праздничных одеждах, держащих в руках иконы. И все эти несчастные, пришедшие за защитой, хотели жить. И все эти несчастные будут сниться мне по ночам. Ты говоришь, что знаешь русский народ лучше меня? Не спорю, я знаю меньше, но самое главное. Я знаю доброту русского человека, справедливость его и великодушие. Потому-то я принял российское подданство, потому принял православную веру, без сожаления оставив всю ту жестокость нравов, что так противна была мне в Германии.

Петр Иванович хотел было что-то возразить другу, но Михаэль остановил его:

– Будет, Петя, мы уже вдоволь наспорились. Не для того мы сегодня встретились, чтобы провести этот, может быть, последний наш вечер в ненужном споре, – сказал Михаэль, ласково похлопав друга по плечу. – Давай говорить о тебе! Скажи, откуда ты здесь? Я так рад тебя встретить снова! Где ты пропадал все эти годы? Неужели жил затворником в своём имении?

– Можно сказать и так, – улыбнулся Петр Иванович в ответ. – Но отчего последний вечер?

– Через два дня я отбываю на фронт. Но не будем возвращаться к этому, дабы не провести оставшуюся половину вечера в споре об этой войне. Пойдём лучше ужинать, расскажешь мне о супруге и детях, о делах в имении, мне всё интересно знать.

Петр Иванович Сенявин не любил разговоров о службе и воспринимал их болезненно. О военной карьере, которой так славился весь его княжеский род, он мечтал ещё с малых лет, но несчастье, сделавшее его калекой уже в двадцать четыре года, разрушило все мечты, заставив навечно поселиться в родовом имении и заниматься хозяйством, которое так неблизко было его сердцу и душе. Зная об этом, Михаэль поспешил пресечь этот едва начавшийся разговор о Русско-японской войне.

Глава 3

Михаэль-Фридрих Нейгон, именовавшийся в официальных русских документах «Михаил Федоров Нейгон», а среди друзей звавшийся на русский манер просто Миша, в свои тридцать пять лет имел непростую, полную трагедий биографию и самую неудобную для высшего общества родословную.

Ещё дед его, Вильгельм Нейгон, принимал участие в восстании силезских ткачей, громом прогремевшем на всю Пруссию. В том же восстании принимала участие и его бабка, Луиза. Мать троих детей, она не отставала от мужчин в борьбе за свободу и справедливость.

Но жестокое наказание ждало бунтовщиков тех беспокойных июньских дней 1844 года. И дабы избежать тюремного заключения, Вильгельм Нейгон в первую же неделю после восстания был вынужден бежать в горы с женой и детьми.

Тяжелым грузом легла эта семейная история на судьбы детей Вильгельма и Луизы. Всю жизнь им приходилось скрывать этот неприятный факт биографии родителей и доказывать, что в их жилах течет другая, покорная кровь. Рьяней всех принялся отречься от матери и отца младший сын – Фридрих.

Хоть младенцем у матери на руках, но и он стал невольным участником того восстания. И, чтобы стереть, разорвать эту печальную страницу своей жизни, он навсегда покинул ненавистный Лангенбилау и совсем молодым человеком, двадцати двух лет от роду, отправился на Австро-Прусскую войну, где, не щадя жизни, «написал» себе новую биографию – биографию не бунтовщика, а героя.

Нет, теперь никто не смел упрекнуть его в прошлом. Теперь для него были открыты двери лучших домов и протянуты нежные ручки лучших невест. На одной из таких девушек, красавице Гретхен, он и женился.

Три года ничто не омрачало беззаботного счастья Фридриха и Гретхен Нейгон, но неожиданно начавшаяся война разлучила их на целый год. Франко-Прусская компания стала хорошим поводом для Фридриха ещё больше прославить своё имя.

Уходя на эту войну, он склонился над колыбелью новорожденного сына и тихо произнес:
– Тебе никогда не придется стыдиться своего отца, Михаэль.

Но отчего же тринадцать лет спустя Фридрих, теперь кумир и пример для сотен соотечественников, герой, отважный и решительный офицер, стал всё молчаливей и задумчивей? Отчего ему скучно в объятиях красавицы жены и дружеских беседах с юным сыном, так гордившимся отцом и выбравшим для себя то же славное военное поприще? Почему же теперь он заскучал по несчастным своим родителям, так малодушно навсегда им брошенным? И почему теперь с гордостью заговорил о восстании силезских ткачей, ещё совсем недавно так им ненавидимом? Может быть, всё-таки заиграла в нём непокорная кровь? Или две войны разожгли жажду справедливости и равенства, жгучее желание изменить так надоевшее ему чёрствое и притворное общество? Кто знает? Да только в тайне примкнул Фридрих к революционному кружку под руководством Шарля Раппопорта и Лео Йогихеса и стал марксистом. Но через девять лет оказался арестован и спустя год убит в тюрьме.

И теперь все уже забыли о его славных боевых заслугах и с удвоенной силой заговорили о грязной бунтарской крови их фамилии. И всё это тяжким гнётом навалилось на неокрепшие плечи юного Михаэля.

Так один миг 1892 года перечеркнул все замыслы и планы Михаэля, этого порядочного, великолепно образованного человека, этой чистой, светлой души. Всей внешностью, внутренней сдержанностью и рассудительностью походил Михаэль на благородную породу матери. И, чтобы навсегда распрощаться с тяжким грузом семейного прошлого, всюду преследовавшего

его по пятам, холодно и решительно Михаэль рассудил навсегда покинуть Германию, где в каждом дуновении ветра пахло прошлым его фамилии.

Так после смерти отца Михаэль с молодой женой Мартой навсегда покинул родные места, и медленной змейкой увозил их поезд к самой границе, в далекую и чуждую им страну – сумрачную и заснеженную Россию.

И вот уже мчатся они в санях по заснеженному полю навстречу полосатым пограничным столбам. Даже снег из-под копыт летел так непривычно и так по-русски. С волнением, с надеждой забилося сердце Михаэля. И чем ближе подъезжали они к заветным столбам, тем сильнее оно колотилось, и казалось, что даже в воздухе гулким эхом раздается этот стук. Но неожиданно лошадь, мчавшая их, поскользнулась, и сани перевернулись, едва не накрыв молодых супругов с головой. Какой милый пустяк. Михаэль и Марта только расхохотались. Главное, что всё обошлось, что они вместе и могут теперь чувствовать под ногами землю своей новой родины.

– Недобрый знак, барин, – еле слышно пробурчал бородатый озябший старый солдат, идущий им навстречу.

Какой знак и что вообще может означать эта фраза, Михаэль ещё не знал, да и не хотел знать. Впереди его ждала новая счастливая жизнь. В ту минуту лишь это занимало его мысли.

И Михаэль не ошибся. Россия встретила его с распростертыми объятиями. Иностранец красивой наружности в российской армии пришёлся к месту как нельзя лучше. Далёкая страна оказалась совсем не такой загадочной, как представлялась прежде. Светлая и яркая, щедрая и пышная, она поразила своих новых подданных. Хлебосольная златоглавая Москва, с блеском архитектуры, живописи, музыки, с роскошью природы, где зимы сказочные, вёсны нежные, осенние дни золотые, как бал императора, а лето тёплое, как рука матери, сразу распахнула перед молодым подпоручиком Михаэлем Нейгоном и его супругой двери в великосветское общество, где им был оказан самый лучший приём.

Но невидимая нить любви к своей исторической родине, которую невозможно было перерезать, тянула Михаэля в прошлое. Часто, в задумчивости стоя у окна, он вглядывался куда-то вдаль, словно пытаясь разглядеть в горизонте что-то привычное и близкое его сердцу.

Глава 4

Уже первые четыре года, прожитые в огромной, непредсказуемой и блестящей Российской Империи, подарили Михаэлю не только положение в обществе, чин подпоручика и роскошь балов, но и преданного, чуткого, надёжного друга. А печальные обстоятельства знакомства Михаэля Нейгона и Петра Сенявина скрепили их крепкими узами дружбы на всю жизнь.

Погода вечером 13 мая 1896 года стояла превосходная, и Михаэль, к этому моменту уже успевший принять подданство Российской Империи, православие, поступивший на военную службу в Москве и уже основательно обосновавшийся на новой родине, не спеша прогуливался по Александровскому саду.

Навстречу ему шли двое мужчин, один из них пожилой, коренастый московский чиновник наполовину русский, наполовину литовец Василий, а в крещении Василий Краснов. Он был добрым приятелем Михаэля. Рядом же с Красновым тяжелой поступью с сильным упором на пятку шёл молодой обер-офицер, статный и темноволосый корнет, со строгим взглядом темно-карих глаз.

– А, Михаэль! Добрый вечер! – радостно заулыбавшись, воскликнул Краснов.

– Добрый вечер, Василий Саввич! Рад вас видеть!

– Вот, Михаэль, рекомендую, – Краснов повернулся к молодому корнету. – Мой племянник, князь Петр Сенявин!

Молодые люди почтительно поприветствовали друг друга.

– Представьте себе, Михаэль, – продолжил разговор Краснов, – Петр отговаривает меня ехать на гулянье на Ходынское поле!

– Вы хотите завтра ехать на Ходынское поле? – удивился Михаэль.

– Отчего же завтра? – возмутился Краснов. – Сейчас!

– Право же, это неразумно, – попытался возразить князь Петр. – Раздача подарков начнётся только в десять часов, театрализованные представления к полудню, а высочайший выход и того позже.

– Неразумно, мальчик мой, это ждать утра, чтобы идти к десяти часам, когда начнётся раздача гостинцев. Полагаю, народу будет столько, что ничего не останется, когда я приду завтра. А до другой коронации ещё доживу ли?

– Для чего вам эти подарки? – удивился Михаэль. – У вас и без того всё имеется.

– Вот неразумный отрок, – всплеснул руками Василий Краснов. – А «память»? Память-то какая? Нет, как хотите, господа, а остаться без «памяти» от такого торжества мне просто зазорно.

– И всё-таки, Василий Саввич, Петр прав! – не согласился с ним Михаэль.

– Помилуйте, Василий Саввич, – продолжил князь Петр. – В моём полку говорят, что подарков заготовлено четыреста тысяч! Всем должно хватить, и не стоит ради этого проводить ночь на поле.

– Четыреста тысяч штук всего-то! Нет-нет, господа, и слышать ничего не желаю. Вы как знаете, а я отправлюсь.

Старик Василий Краснов был непреклонен, и, дабы не оставлять родного дядьку одного, Петру Сенявину ничего не оставалось, как отправиться с ним. Вот только предчувствия у него были самые скверные.

Приехав на Ходынское поле, которое было выбрано властями местом народного гулянья в день коронации нового императора Николая Александровича, Петр сразу обратил внимание, насколько неудачно оно выбрано. Испещренное глубокими рвами, оврагами и траншеями, сплошь в ямах и заброшенных колодцах, оно могло быть пригодно лишь для военных целей, оттого и использовалось как учебный плац для войск Московского гарнизона.

– По какой страшной беспечности выбрано это место, – сказал Петр, оглядевшись вокруг. Идти с дядькой на поле он наотрез отказался, предпочтя остаться в экипаже, неподалеку от буфетных лавок. Рядом с Петром было оставлено ещё несколько карет, и он невольно услышал разговор двух ямщиков:

– ... а подарки-то, я слышал, и впрямь царские. Говорят, будто в цветной платок завернуто полфунта колбасы, сайки, конфет разных, а ещё орехи, пряники да кружка та, что... – мужик замялся, вспоминая нужное слово. – Ну, как это? Которая вечная.

– Ну?! – изумился второй ямщик.

– Вот тебе и ну! А ещё зрелища, говорят, невиданные будут.

– Это ж какие ещё такие зрелища?

– А такие! – продолжил рассказывать с жаром в голосе первый ямщик. – Будто представления будут из разных опер и цирк с дрессированными зверятами приедет.

– Ну?! – снова изумился второй ямщик.

– Вот тебе и ну!

«До чего же наш мужик охоч до развлечений, – подумал про себя Петр. – А ведь все от темноты его, неграмотности. Скорее всего, эти два мужика за жизнь свою ничего, кроме этих вот повозок, и не увидят, а тут такое зрелище!»

Невообразимая жалость к ним вдруг наполнила сердце молодого князя и нестерпимое желание покинуть это место как можно скорее, чтобы не видеть, как эти люди начнут хватать конфеты и драться за полфунта колбасы.

– Живого б царя увидеть – вот это да, а то, когда это ещё случай представится, – прозвучал голос дядькиного кучера Кузьмы.

Но Петр ничего ему не ответил. Даже будучи убежденным монархистом, он не изъявлял сейчас такого желания. Образ императора оставался для Петра божественным и недосягаемым.

Тем временем Ходынское поле всё больше и больше погружалось в полную тьму, и ночь, как на беду, выдалась безлунная. А люди всё шли, и всё плотнее становилась необозримая толпа. Некоторые люди, не видя перед собой дороги, стали спотыкаться и падать в овраги, а нескончаемый поток народа всё прибывал и прибывал.

Петр с ужасом начал понимать, что всех этих людей между городской границей и стеной из ста буфетов стало слишком много, это были тысячи и тысячи человек. Он приподнялся в своём экипаже и внимательно огляделся по сторонам. Если случится беда, кто будет наводить порядок? Полицейских и казаков было слишком мало. Петр отчетливо понял, что эта горстка просто не справится с такой лавиной людских масс. Он словно кожей почувствовал, как положение начало становиться угрожающим.

К утру стало очень тихо. Ни ветерка. Дышать становилось всё труднее. Начало светлеть, и Петр смог разглядеть лица некоторых людей. Они были залиты потом и приобрели какой-то синевато-бледный цвет. Вместе с этими людьми он смог разглядеть и то, насколько огромной стала пришедшая толпа. Она была гораздо больше, чем ему казалось ночью.

«Господи, что же это будет? – уже предчувствуя неминуемую беду, подумал Петр. – Как же найти в этой толпе Василия Саввича?»

Нужно было немедленно бежать из этой страшной ловушки. Но один уйти Петр, разумеется, не мог. И вдруг он с ужасом подумал: «Где же он? Неужели не понимает, что оставаться тут слишком опасно? А может быть, он уже не в состоянии выбраться из этой гущи?»

При этих мыслях состояние Петра стало приближаться к паническому.

А тишина сменилась гулом толпы. Сначала негромкий этот гул всё нарастал и нарастал, превратившись, наконец, в настоящий хаос.

Опасения Петра подтвердились. Сложившаяся ситуация вышла из-под контроля и лопнула, словно огромный мыльный пузырь. Толпа людей стала напирать на буфетный ряд. Люди принялись требовать того, зачем сюда пришли. Буфетчики в ответ, не дожидаясь нужного часа,

боясь оказаться затоптанными вместе с буфетами этой потерявшей контроль лавиной, стали бросать подарки в воздух. Началась страшная давка. Многим становилось дурно. Некоторые люди теряли сознание, но, сдавленные со всех сторон клешнями из человеческих тел, несчастные не имели возможности из неё не только выбраться, но даже упасть.

Видя, как полиция не справляется с образовавшимся хаосом, Петр и Кузьма бросились им на помощь, но изменить сложившуюся критическую ситуацию их силы не могли. Их обоих просто всосало в толпу. Рядом с собой Петр увидел потерявшую сознание женщину, с закрытыми глазами, зажатая со всех сторон, она колыхалась вместе со всей бурлящей и кричащей массой людей. С другой стороны в него впились острые плечи старика, он, кажется, уже не дышал. Этот несчастный умер, не издав ни единого звука, а похолодевший труп его продолжал колыхаться в толпе. Пытаясь растолкать людей, обладающий высоким ростом, Петр немного приподнялся над толпой и увидел юношу, которого рвало, и он даже не мог опустить головы. В этот момент бородатый мужик вцепился в руку Петру и начал мычать что-то нечеловеческим голосом. Петру показалось, что мужик этот сошёл с ума. Люди бились друг об друга головами, и все кричали. Сам же Петр, ужаснувшись, осознал, что под его ногами человек. Беднягу просто подмяли под ноги, и подняться он не мог. Петр чувствовал, что стоит на его груди, дрожал от ужаса, но двинуться ему было некуда.

В это время один из буфетов под напором толпы перевернулся и накрыл собой нескольких человек. Все произошло так стремительно, что Петр даже не успел понять, как оказался под ним. Буфет крепко прижал его ногу, и, будучи не в силах подняться, Петр чувствовал только острую боль в голени и тяжесть человеческих масс на своем теле. В его голове стучала только одна фраза – это конец! Но неожиданно толпа над ним стала расходиться, и сквозь помутневший взгляд он увидел военных. Двое из них, страшно ругаясь, приподнимали буфет, а четверо других пытались выволить находящихся под ним раненых. Один из этих военных схватил Петра под мышки и потащил прочь от этого страшного места. Обернувшись, Петр увидел лицо своего нового знакомого – это был Михаэль.

По счастливой случайности все четверо: и Петр, и Михаэль, и Василий Саввич с кучером Кузьмой – остались живы.

В доме Краснова на Поварской улице было тихо и светло, лишь мерный ход часов и едва слышное ворчание Василия Саввича, с обвязанной головой ходившего взад и вперед по комнате, нарушало тишину. Михаэль, стоя у окна и, всматриваясь вдаль с каменным выражением лица, о чём-то думал. Вскоре он получит чин штабс-капитана и будет переведён в столицу. Петр же, отдав свою травмированную ногу в распоряжение лекаря, всё пытался выбросить из головы эту страшную ночь, но у него ничего не получалось. Князь Петр не догадывался, что самое страшное для него ещё не наступило. Сломанная кость ноги срастётся неправильно и, оставив его калекой, принесёт ещё самую страшную беду в жизни.

А в это время над городом загудел колокол Ивана Великого и с Тайницкой башни загремели пушки. Один за другим раздался двадцать один выстрел, и по всей Москве зазвучал могучий звон колоколов. И этот звон, и пальба известили Москву, что в Успенском соборе началось молебствие о здравии и многолетию нового царя и царицы. Все московские улицы были пусты, и жизнь словно покинула город, сосредоточившись возле Кремля.

Тысячи и тысячи людей наполнили кремлевские площади и окружили его стены. Тут были и белые платья с золотым шитьем, и блеск бриллиантов, и разноцветные мундиры дипломатов. Но также в это время все пожарные команды Москвы занимались ликвидацией кошмарных последствий на Ходынском поле. Обоз за обозом вывозили с поля тела умерших и раненых. Долго ещё по Москве будут ходить легенды, как от вида тех страшных картин цепенели сердца у выдавших виды военных, врачей и пожарных. Как видели они и скальпированные головы, и торчавшие наружу кости, и раздавленные грудные клетки, и валявшихся в пыли недоношенных младенцев.

Но об этом страшном происшествии большинство москвичей ещё не знали, и праздник коронации нового императора шёл своим чередом.

Глава 5

Высокое полуденное солнце освещало небосвод и необыкновенно ласково дотрагивалось тёплыми лучами до вершущек заснеженных сосен. Словно богатыри-великаны в блестящих кольчугах, стояли они на страже своих владений. Жизнь здесь шла неспешная и размеренная. Совсем не такая, как в столице с её революционными ужасами.

Богоявленское, волость Задонского уезда Воронежской губернии, располагалось на левом берегу реки Дон. Имение это, возникшее в середине XVII века, являлось владением дворянского рода Сенявиных, к которому и принадлежал Петр Иванович.

Род свой князья Сенявины вели от современника Петра I, вице-адмирала Наума Акимовича. Великая эпоха великого императора, когда не фамилиями славились люди, а делами, позволила Науму Акимовичу и двум его братьям превратиться из мужиков в прославленных морских офицеров. Три брата, три богатыря – Иван, Федор и Наум – прочно вошли в историю русского флота васнецовскими витязями.

Иван был с детства лично известен царю Петру и пользовался особым его доверием. Службу он начал солдатом Преображенского полка, сюда же в 1698 году солдатом бомбардирской роты привёл и своего младшего брата Наума. И уже на следующий год тот принял участие в Керченском походе матросом на корабле «Отворенные врата» под командою государя. Наум, в отличие от своих братьев, не попал в состав великого посольства, но не в его характере было опускать руки. Мореходные познания боцман Наум Сенявин приобрёл на Воронежских, Добровских и Тавровских верфях, в боевых действиях под Шлиссельбургом, Юрьевом и Нарвой. Он выдвинулся, не сходя с палубы кораблей, и быстро обогнал в чинах своих старших братьев.

А в 1708 году, за героизм, царь Петр лично жаловал Наума Акимовича чином поручика и княжеским титулом. Тогда же ему оформилась дача на ничейную деревню недалеко от Воронежа. Но до последнего дня жизни стихией Наума Акимовича будет оставаться море, а не воронежская земля. От этого-то долгие тридцать лет имение это не будет видеть своего хозяина, пока однажды не появится здесь молодой его сын.

Встреча Наума Акимовича с Неониллой Федоровной Языковой произошла, когда отважный капитан-поручик стал уже легендой. И пусть лицо его от зноя и соленого воздуха было усеяно глубокими морщинами, а зубы съела цинга, Наум располагал к себе открытым, легким нравом, любовью к веселью и хорошим аппетитом.

Свадьбу сыграли быстро, шумно и весело, но также быстро Наум и покинул молодую жену. Отныне он постоянно сопровождал царя в поездках и подолгу на одном месте не задерживался. Не изменило сложившегося уклада и рождение сына Алексея.

С раннего детства Алеша постигал науки, учился пению и танцам, фехтованию и стрельбе, уже в шесть лет уверенно держался на воде, а в девять умел управлять лодкой под парусом и каждый год с нетерпением ждал Рождества и Троицы, потому что именно в эти праздники домой приезжал отец.

Так прошло детство Алексея, и после окончания домашнего обучения он отправился в школу навигацких и математических наук. И когда на вступительных испытаниях комиссия попросила Алексея назвать известных ему героев Северной войны, он, не задумываясь, назвал имя отца, да ещё и добавил пример для собственного подражания, когда отец – Наум Сенявин, узнав, что капитан гамбургского конвойного воинского корабля отказался салютовать русскому военному судну, не раздумывая, выстрелил ядрами из трёх пушек по его вымпелу. Пример безоглядного служения отечеству поразил комиссию, и Алексей был принят.

Казалось, Алексей рос непохожим на отца – высокий, стройный, спокойный, уравновешенный. Но вскоре в характере его стали угадываться такие сенявинские черты, как упорство в достижении цели, умение преодолевать возникшие трудности.

Однажды Наум Акимович навестил сына в школе, и Алексей его не узнал. Перед ним стоял серый, тяжело больной старик, с глазами полными слёз. Это было в декабре 1725 года. Тогда Алексей впервые увидел подлинную душу своего отца, столь тяжело переживающего смерть своего любимого Императора. Тут же обострились боевые раны Наума Акимовича. И Алексей впервые понял истинную цену служения отечеству и государю. С этого момента он по-настоящему стал взрослым, и отец настоял на том, чтобы любимый сын начал службу под его началом, да ещё и сразу в мичманском чине.

Алексей был в восторге от этого известия, он рвался в бой. Но при поступлении на службу учеба его не закончилась – она только началась. Видя собственными глазами пример отца на службе, он учился теперь у него. Учился осмотрительности в бою, распорядительности, внимательности и собранности, обычаю обсуждать детали предстоящего боя с подчиненными офицерами.

За этой учебой грянул 1735 год. В Русско-Турецкой войне Алексей принял участие адъютантом при Науме Акимовиче. И здесь-то раскрылись такие его качества, как хладнокровие, смелость, умение управлять подчиненными в боевой обстановке. И все подмечали, что в отношении к делу, поведению в бою Алексей был точной копией отца, легендарного вице-адмирала. Однако в том же году отцу и сыну пришлось расстаться. Алексея Наумовича ждал перевод на балтийский флот, ну а опытного Наума Акимовича – назначение начальником Днепровской флотилии. Больше они не увидятся. Через год Алексей Наумович получит известие из Очакова о кончине отца от эпидемии чумы.

Тяжелым грузом легла на плечи Алексея смерть отца. Тяжелым испытанием стало научиться жить без него, без опоры. Но жизнь не дала Алексею времени на печаль, его ждала новая война – со Швецией.

Алексей многого достиг и, продолжая прославлять фамилию Сенявиных, оставался гордостью для памяти отца. Но всё-таки что-то оставалось, чего-то не хватало. Из каждой военной кампании он возвращался в богатый, но пустой дом, в котором его никто не ждал, писал трогательные, поэтичные письма матери и сестрам, а душу излить было некому. Ушёл из жизни старший кузен, вся жизнь которого так же, как и у отца, была посвящена флоту. Но кому теперь рассказать всё это? Кто сохранит память о нём? Иван Иванович был одинок, как одинок сейчас и сам Алексей.

И вот на балу великолепной затейницы, красавицы императрицы Елизаветы Петровны, появляется очаровательная Анна-Елизавета фон Брауде. Свадьбу пришлось поторопить: в каждом уголке столицы уже пахло войной. Эта кампания войдет в историю под названием Семилетней. Но вскоре, в звании капитана 1-го ранга, он выходит в отставку и получает назначение на должность Генерального казначея при адмиралтейств-коллегии.

Однако спокойная жизнь была не для него. Без флота Алексей Наумович болел, чах так же, как когда-то и его кузен – капитан-командор Иван Иванович Сенявин, отлученный от службы, умерший в тот же год.

Алексей Наумович просился на флот, и уже вскоре снова был вызван на службу. Новая императрица – Екатерина, дальновидная, умнейшая женщина, понимала, что без сильного флота не быть Империи Российской, не справиться с уготованными ей вызовами, а для этого требовалась закладка на старых петровских верфях по реке Дон различного типа судов. И для этого важного поручения как нельзя лучше подходил честный, ответственный, неподкупный Алексей Наумович Сенявин.

Так сама судьба снова привела Алексея Наумовича на Дон, в родовое имение. Всё тут напоминало о далеком детстве: и старый бревенчатый дом, и заросшие аллеи темного парка, и крик галок в вечернем зимнем небе. А ещё тут ждали своего хозяина 145 дворов, восемь тысяч жителей и более семи тысяч десятин земли с лесами и лугами. Из пыльного сундука достал старый капитан проект усадьбы, заказанный ещё до смерти отца в мастерской Коробова.

Привез мастеровых людей из Рязани и, как корабль на верфи, возвёл величественный дворец в голландском стиле. Так стало приобретать формы Богоявленское, отныне любимое имение Алексея Наумовича, в котором он всегда будет счастлив.

Уже совсем скоро «Новоизбранные корабли» Алексея Сенявина помогут овладеть Крымом, за что Алексей Наумович будет награждён орденом св. Александра Невского. Впереди его будет ждать ещё не одна победа в Русско-Турецкой войне, закладка Херсона, и до самой смерти Алексей Наумович Сенявин останется предан флоту и отечеству.

Глава 6

– В такой же любви к флоту и родной земле, какую испытывал сам, Алексей Наумович воспитывал и своего единственного сына Григория.

– Молодец, Андрей! – похвалил Петр Иванович сына.

Мальчик радостно хотел было закрыть огромную книгу, и собрался уже вставать из-за большого письменного стола, но отец остановил его следующим вопросом:

– А скажи мне, Андрей, в каком году родился Григорий Алексеевич Сенявин?

– Капитан-командир Григорий Алексеевич Сенявин родился в столице Российской Империи в 1767 году. Отец, ну знаю я всё это!

Андрей не отрывал глаз от окна. Глядя, как резвится на улице детвора, ему как можно скорее хотелось оказаться с ними, а вовсе не повторять историю рода, которую он уже знал наизусть.

– Пойми, сынок, знать историю своего рода, свои корни, особенно важно тебе. Ты единственный наследник!

– А как же Вера и Ксюша? – удивленно спросил Андрей.

Он не вполне понимал, почему отец называет наследником только его, ведь у него были ещё две сестры.

– Вера и Ксюша вырастут, выйдут замуж, и у них будут другие фамилии, они станут частью других семей, – начал объяснять Петр Иванович как можно понятнее для девятилетнего мальчика. – Тебе предстоит продолжить наш род, нашу фамилию и однажды оставить свою запись в этой книге.

Андрей отвлёкся на стук в дверь. В кабинет вошла девушка в белом переднике и монотонно произнесла, будто давно заученную, фразу:

– Митрофан Спиридонович с семьей приехали!

– Отец, ну можно уже закончить урок? – с надеждой в голосе спросил Андрей.

– Да, ступай, – ответил Петр Иванович.

И мальчик быстрыми шагами направился к тяжелым двустворчатым дверям кабинета отца, но, остановившись на пороге, обернулся. С портретов на него взирали строгие глаза предков – адмирала Алексея Наумовича в орденах св. Анны 1-й степени, св. Андрея Первозванного и св. Владимира 1-й степени, его генерал-адъютанта и племянника Николая Федоровича, вице-адмирала, капитана над портом в Риге, главного командира Кронштадтского порта Николая Ивановича Сенявина. И под этим строгим взглядом Андрей, распрямив плечи, вышел из кабинета.

Петр Иванович отправился встречать гостей, а тяжелая родовая книга так и осталась открытой на странице, когда в конце XVIII века на авансцене российской истории появляется его прадед – Григорий Алексеевич Сенявин. Один из самых незаурядных представителей рода, сочетавший в себе несочетаемые таланты. Он, начавший службу в чине сержанта артиллерии, с легкостью перевёлся во флот в чине подпоручика, и далее его жизнь будет выписывать только самые невероятные зигзаги. Друзья из высшего столичного света будут читать его жизнь как увлекательный роман, ожидая всё новых и новых глав даже тогда, когда, неугодный новому императору Павлу, он в чине капитан-командарма будет уволен в отставку. И Григорий Алексеевич их не подведёт.

Молодой, полный сил и энергии Григорий Алексеевич не впадёт в уныние, не оставит свою офицерскую честь за игральным столом петербургских салонов. Он уединится с семьей в родовом имении – любимом Богоявленском, где проявит совсем уж неожиданный купеческий талант, невесть откуда взявшийся в этом человеке. И даже милость нового императора Александра не заставит его бросить полюбившегося дела.

Сразу после Отечественной войны 1812 года Григорий Алексеевич, принявшийся восстанавливать хозяйство в имении, скупит все пшеничные поля на правом берегу Дона, и уже через несколько лет добьётся таких успехов на новом поприще, что станет одним из самых богатых и влиятельных людей губернии. Даже уход из жизни любимой супруги, не заставит Григория Алексеевича опустить руки. Личная драма вернёт его в столицу, где пожилой, но ещё полный сил князь продолжит жизнь светскую в богатом особняке на Английской набережной. И всё бы хорошо, да вот только сыновья не давали спокойно спать. Всё делал старик отец ради благополучия Ивана и Левушки: не жалел денег на их образование, не стеснялся использовать связи в высшем обществе для продвижения их по службе, потакал их прихотям, уступил даже тогда, когда оба сына, впервые за всю историю рода отказались поступать на службу во флот. А что же они сами?

А сами братья жили без дружбы, едва ли не во вражде друг к другу, особенно преуспел тут старший сын Иван, первенец, любимец отца, с детства ни в чём не знавший отказа. Поступив на службу в один год с младшим братом, юнкер Иван Сенявин вступил, будто в соревнование с ним. В отличие от скромного, порядочного, ответственного и исполнительного Левушки, вступившим на службу по министерству финансов, Иван предпочёл лейб-гвардии конный полк и мгновенно прослыл повесой, хвастуном и забиякой. И если роста и красоты он взял от природы за двоих, то дури и спеси за десятерых, что отталкивало от Ивана многих сослуживцев, но привлекало многих женщин. И зная это, Иван решил во что бы то ни стало жениться на самой красивой женщине в мире.

Встреча не заставила себя долго ждать. Стоило Ивану появиться в обществе фрейлины двора, баронессы Александры Васильевны д'Огер, как в ту же секунду судьба её была решена. Лучшей партии Ивану было не сыскать. Александра была дочерью голландского дипломата, принявшего российское подданство, внучкой фаворитки Петра III Воронцовой, да ещё и поразительной красоты. Перед напором молодого князя Ивана Сенявина устоять было невозможно. Свадьбу отпраздновали пышно.

Тут уж Иван Григорьевич возгордился ещё сильнее, чего не простили ему в обществе. Красотой Александры восхищался Вяземский, и недоброжелатели тут же усмотрели в блеске её черных глаз уныние и печаль, обвинив в том деспотизм Ивана, сам Пушкин назвал его славным малым и своим приятелем, и злые языки принялись обвинять Ивана в надменном обращении с сослуживцами, в заносчивости от родства с Воронцовыми, в желании подчинять и не желании подчиняться, его удостоили награды орденом св. Анны 3-ей степени с бантом за осаду и взятие крепости Варны, а в свете только огорченно вздохнули оттого, что Иван на этой войне не был убит. И Иван стал жить, будто наперегонки с высшим светом: все восхищаются успехами на гражданской службе брата Левушки, и Иван, словно в насмешку, оставляет военную службу в чине полковника и поступает на гражданскую службу в Департамент уделов. За три года, перешеголяв брата, добивается назначения в кабинет Его Величества, Левушку с великими надеждами провозжают в посольство в Константинополь, а Иван, пользуясь отсутствием брата, отодвигает его от наследства, оставленного умершим отцом, забрав себе и жемчужину – Богоявленское. После возвращения из Константинополя Лев Григорьевич произведется в действительные статские советники, но и карьера Ивана складывается как песня – управляющий императорскими стеклянными и фарфоровыми заводами, новгородский губернатор, московский гражданский губернатор, товарищ министра внутренних дел, председатель двух комитетов об устройстве быта ливонских и эстляндских крестьян. Так же и в отношении семейной жизни он стремился к совершенству, Лев Григорьевич оставался холост, Ивану же супруга одного за другим родила семерых детей.

Но однажды удача всё-таки отвернулась от Ивана Григорьевича. Выйдя в отставку, дабы не сойти с ума от скуки и безделья, он вспоминает о родовом имении, забытом и обветшалом за годы отсутствия в нём хозяина, и с присущим ему азартом принимается облагораживать

усадьбу. Стараясь угодить любимой жене Александре, голландке по происхождению, усадьбу он перестраивает в готико-стрельчатом стиле, близком и родном для каждого европейца-католика, а в память о славном военно-морском прошлом своих предков крышу усадьбы перестраивает так, чтобы она напоминала своим видом корабельную палубу. Одновременно с перестройкой здания Иван Григорьевич закладывает и аглицкий парк с большим прудом в его середине. Этот необыкновенно модный и красивый парк мгновенно становится жемчужиной имения и предметом огромной гордости его создателя. Так стараниями одного человека в центральной России, появился двухэтажный каменный архитектурный шедевр, напоминающий европейскую готику, с русскими деревянными постройками вокруг, с православной церковью Иоанна Богослова.

Иван Григорьевич добился, кажется, всего, о чём мечтал, но, на беду, свою, неуёмный характер не позволил ему почивать на лаврах славы, и он возжелал больших денег. Увлечение коммерцией и сыграло с Иваном Григорьевичем злую шутку. Наделав много долгов, он построил сахарный завод в своём имении, но, не сумев организовать грамотное руководство, оказался банкротом.

Сумма долга в 220 тысяч рублей оказалась слишком большой. Взять такие деньги Ивану Григорьевичу было неоткуда, и единственным выходом для него оставалась продажа Богоявленского в казну. Это было не просто разорение – это был страшный удар по самолюбию, страшный позор. В одну ночь Иван Григорьевич постарел на десятки лет, в одну ночь в глазах его навсегда поселилась нестерпимая боль. Он прощался с имением, в которое вложил столько сил и любви, прощался с усадьбой, в которой витали тени предков, отца и матери, деда и прадеда. Он бродил по опустевшим комнатам, где отовсюду слышались детские голоса, где счастливо и безмятежно росли они с Левушкой. Ах, этот чёртов характер, из-за которого он наделал столько глупостей, из-за которого он так и не признался в огромном, искреннем уважении к брату и делал всё наперекор родственным чувствам. И как посмотреть после всего этого ему в глаза? Да и стоит ли теперь, на краю жизни, что-то объяснять? Нет, теперь было уже слишком поздно, и Иван Григорьевич отчетливо это понимал. Всё, за что он боролся и к чему всю жизнь стремился, стало вдруг бессмысленным, ненужным.

Тишину опустелого дома разрезал пистолетный выстрел. Сорвались с веток деревьев в тёплое июньское небо серые галки. Так оборвалась ещё совсем недавно казавшаяся блестящей жизнь Ивана Григорьевича Сенявина. Шёл 1851 год.

Сильно подкосила эта утрата здоровье жены, красавицы Александры Васильевны. Померк яркий цвет лица, покрыла седина вороного крыла волосы. Кроткая, очаровательная, она пыталась добиться, чтобы супруга похоронили в черте кладбища, но, увы, получила отказ. Иван Григорьевич был погребён в кургане парка своего имения. Таков удел всех самоубийц. Но не успели просохнуть слёзы на некогда прекрасном лице Александры Васильевны по погибшему супругу, как случилась новая беда. Настало время открыть завещание Ивана Григорьевича. Кому достанется то небольшое, что удалось сохранить князю Сенявину и особенно богатый дом на Английской набережной в Санкт-Петербурге, устроенный по последней парижской моде, где ещё совсем недавно так роскошно все они жили? Казалось, исход очевиден. Старший сын, семнадцатилетний Александр, обучавшийся за границей, смекалистый, предприимчивый и расчётливый, мог не только сохранить наследство, но и приумножить его. Но решение Ивана Григорьевича и в этот раз повергло всех в шок. Всё, что осталось от богатого наследства, он завещал младшему сыну – любимому Ивану, уже в пятнадцать лет известному пьянице, и страстному игроку.

«За Алекса душа не болит, – писал отец. – Он наживёт».

И в этом Иван Григорьевич не ошибся. Всего десять лет понадобилось Александру, чтобы практически до копейки нажить такое состояние, к которому отец его шёл пятьдесят лет. И

всего десять лет понадобилось Ивану, чтобы практически до копейки растратить такое состояние, к которому отец его шёл пятьдесят лет.

Иван Иванович больше всех детей был похож на своего отца. Унаследовал он и характер, скверный, неуживчивый, скандальный. Никто не сомневался, что Ивана ждёт или тюрьма, или ранняя смерть. Так и случилось. Наделав ещё больше долгов, Иван был вынужден продать и роскошный дом на Английской набережной, и приданое молодой жены. Но, не справившись с угрызением своей проснувшейся совести, он умирает от сердечного приступа на могиле отца, в возрасте тридцати восьми лет, оставив практически без средств к существованию, супругу и только-только родившегося сына Петра.

Это страшное, драматическое событие заставило забыть все обиды и вернуться в родные места удачливого Александра. словно чувствуя вину за потерянные годы общения с братом, за малыша Петю, оставшегося сиротой, не жалея денег, он возвращает то, что многие десятилетия принадлежало их семье, что являлось связующим звеном всего рода Сенявиных – имение Богоявленское.

За несколько недель Александр Иванович выкупает из казны утраченное имение и переводит земли на имя маленького Петра, чтобы, достигнув совершеннолетия, тот безраздельно хозяйничал в нём, а вокруг усадьбы строит красную кирпичную стену, словно защищая дом и его маленького хозяина от всех невзгод. Вот только для себя ему найти здесь места так и не удалось. Уехав снова за границу оправиться от пережитых потрясений, назад он больше никогда не вернётся.

Но гордая Ингрид, мать маленького Петра, на половину русская, на половину литовка, в Богоявленское не приедет. Забрав сына, она уедет из Санкт-Петербурга к своему брату – успешному городскому чиновнику – в Москву, в доме которого и будет воспитываться Петр Иванович Сенявин. Здесь он окончит классическую гимназию, сюда же вернётся в составе второй бригады Первой кавалерийской дивизии, после окончания Николаевского кавалерийского училища, здесь же встретит очаровательную, белокурую, сероглазую Оленьку, главную любовь всей своей жизни.

И хоть свадьбу новобрачные сыграли тихо и скромно, впереди их, казалось, ждало только счастье: балы и приёмы для Оленьки, чин поручика и Николаевская академия Генерального штаба для Петра. Но трагедия, произошедшая на Ходынском поле, перечеркнула все планы, разрушила все мечты. И Петр Иванович вместе с супругой и дочкой Верочкой вынужден был вернуться в родовое имение, которого не знал больше двадцати лет.

А Богоявленское встретило его заколоченными окнами усадьбы, застоявшимся без работы, обанкротившимся сахарным заводом, поросшими бурьяном полями, да вечно пьяными крестьянскими мужиками. Каждый день в забытом имении потечёт бесконечной скукой, похолодеет, замкнется в себе любимая Оленька, и каждую ночь станет приходиться во сне застрелившийся здесь Иван Григорьевич.

Вот в это-то время и появляется рядом с Петром Ивановичем Митрофан Спиридонович Мищенко.

Мощный, широкий в кости, рыжебородый Митрофан Спиридонович был расчетливым и предприимчивым человеком. Дружбу с молодым князем Сенявиным он завёл практически сразу по приезду его в Богоявленское. Хитрый и хваткий, он вытаскивает своими крепкими, умелыми руками имение из разорения. И пусть он не был честным компаньоном, зато с ним всегда и всё держалось в полном порядке: вновь засеялись пшеничные поля, заработал сахарный завод, зажило новой жизнью, долгие годы стоявшее забытым Богоявленское.

– Прости меня, Петр Иванович, – склонил Митрофан Спиридонович перед князем Сенявиным свою могучую голову.

– Бог простит, Митрофан Спиридонович! Прости и ты меня!

Троекратно поцеловавшись, и поздравив друг друга с праздником Прощеного Воскресенья, встретивший гостей на пороге князь Сенявин пригласил всех в дом.

Глава 7

Цветные витражи в виде стрельчатых арок, огромные окна, для которых стены служат лишь легким каркасом, высокий сводчатый потолок в виде звезды, по каменному полу чёрно-белый шахматный рисунок. В середине огромного зала стоял большой тяжеловесный стол, накрытый просто, без излишеств. В готическом замке князя Сенявина, как и во всей православной России, готовились к Великому Посту.

Давно дружащие семьи Сенявиных и Мищенко часто собирались вместе за обеденным столом в княжеском доме, собрались и сегодня. Весело и шумно играя, бегали по дому их дети. Самой бойкой и непоседливой была пятилетняя Злата, младшая дочь Митрофана Спиридоновича, крестница князя Петра Ивановича. Золотоволосая девочка не слушалась ни мать, ни отца и всегда делала, что хотела. Даже старшие брат и сестра, одиннадцатилетние близнецы Арсений и Глафира, за ней не поспевали, предпочитая играть с Андреем и его сестрой, семилетней Ксюшей – детьми Сенявиных. И только старшая дочь Петра Ивановича и Ольги Андреевны – Вера – никогда не принимала участия в этих играх. Ровесница Арсения и Глафиры, она казалась намного старше их. Внешняя копия своего отца, холодная и равнодушная, кажется, ко всему, она могла позволить себе одарить присутствующих гостей только тяжёлым, строгим взглядом своих тёмно-карих глаз. Таким же взглядом смотрел и её отец.

Беседы в этот вечер за столом велись оживленные. Миниатюрная сероглазая Ольга Андреевна Сенявина, родившаяся в Москве и воспитанная англичанкой-гувернанткой, даже вдали от столичной жизни больше всего на свете продолжала интересоваться модой и светскими сплетнями. С детства она росла залюбленным, избалованным ребенком, ни в чём не знавшим отказа. Юность её прошла в лучших московских салонах, а на балы в её дом съезжались самые видные московские женихи. Очаровательную Оленьку окружали толпы поклонников, ей посвящали стихи, с неё писали портреты. Но в мужа она выбрала юного корнета Петра Сенявина, статного красавца из обедневших дворян. Но не любовь двигала этой весенней пташкой, а перспектива породниться с древним княжеским родом. За двести лет существования династия Сенявиных породнилась с Языковыми, Ржевскими, Потемкиными, Чебышевыми, Нелидовыми, Воронцовыми и Нарышкиными. Голова шла кругом у неё от этой музыки имён, от желания быть княгиней, от такой близкой возможности покорить высший свет Санкт-Петербурга. Но трагедия, произошедшая с Петром Ивановичем на Ходынском поле, разрушила все её мечты. Ольга Андреевна плакала, оставляя Москву, плакал и московский свет, провожая в деревню свою прелестную Оленьку.

Поначалу жизнь в Богоявленском казалась Ольге Андреевне ссылкой, карой за грехи прошлой жизни. Но постепенно она научилась жить вопреки своему положению. Стараясь соответствовать французским модным канонам, избегала солнечных лучей даже зимой, пудрилась светлой рисовой пудрой, стремясь к эффекту болезненно-бледного вида, платья носила напоминающие по форме цветков, подчеркивающие узкую талию, грудь, бедра, создающие элегантный, невесомый силуэт. Вслед за Верой подарила мужу сына Андрея и дочку Ксюшу, сумев при этом сохранить тонкий стан и легкую походку. Увидев эту женщину, даже мельком, ни у кого не возникало сомнений относительно её статуса: княгиня Сенявина была княгиней во всём.

– Безусловно, петербургские модные дома – главные в России, – щебетала Ольга Андреевна. – Москва таким количеством домов похвастаться не может. Самые знаменитые, разумеется, Дом Бризак, Дом Гиндус и Дом Ольги Бульденковой, но, увы, их отличает элитарность. Дом Бризак, к примеру, является поставщиком Двора и высочайшим повелением императрицы обслуживает не принадлежащих ко двору лишь двух клиенток – Анну Павлову и Анастасию Вяльцеву.

Простая, добротная женщина Василиса Ивановна Мищенко имела самое простое происхождение, которое выдавало её во всём. Сказочные рассказы своей собеседницы она слушала с едва скрываемой завистью к блестящей княгине. Но Ольга Андреевна, упиваясь своим превосходством, продолжала разговор:

– Третьего дня были с Петей с визитом у Соловьева, так его супруга хвасталась Елецкими льняными кружевами. Я же предпочитаю брюссельские, о чём и поведала. На что Соловьева принялась мне объяснять, что наши кружева намного лучше. Она никак не возьмёт в толк: зачем заказывать кружева в Брюсселе, когда Елец совсем близко. Но помилуйте, это нелепо равно так же, как если заказывать самовар в Париже, – рассмеялась Ольга Андреевна.

За другим же концом стола разговор шёл куда менее беззаботный и совсем безрадостный. Последний год все мысли, и разговоры мужчин занимало только одно – Русско-японская война.

– Вот, Митрофан Спиридонович, сегодняшней выпуск, – Петр Иванович протянул Мищенко газету. – Первая полоса: японцы заставили отступить русскую армию.

– Да что там, Петр Иваныч, какая могёт быть война в такой дали от центров. А ещё это восстание, мать его в душу, – махнул широкой ладонью Митрофан Спиридонович. – Сам же сказывал, что в столице делается.

– Да-да, а как всё начиналось. В начале войны никто не оставался равнодушным. В общестственности преобладало настроение, что на Россию напали и необходимо дать отпор. Я был тогда в Петербурге, Митрофан Спиридонович. И в столице самостоятельно возникали невиданные патриотические манифестации, да что там столица – газеты писали, что нечто подобное проходило по всей империи. Даже учащаяся молодежь со своими революционными настроениями приходила к Зимнему с пением «Боже, Царя храни!» И что возле Зимнего произошло теперь, всего год спустя? Вспомнить страшно.

Петр Иванович погрузился в неприятные воспоминания кровавого воскресенья, сменившиеся мыслями о войне и любимом друге Михаэле Нейгоне. Где он сейчас? Что с ним? Петра Ивановича больно ранила собственная беспомощность, невозможность находиться там, на поле боя. Он ненавидел своё теперешнее положение инвалида-затворника, изменить которое, был не в силах.

Но все эти мысли оказались недолгими. Возле входной двери зазвонил колокольчик. Служанка Маша открыла дверь, и с завывающей вьюгой, отряхиваясь от снега, в дом вошёл почтальон.

– Петру Ивановичу из Москвы, – сказал он, протянув конверт.

Развернув письмо, Петр Иванович тут же узнал почерк своего дядьки Василия Саввича Краснова. Извинившись перед Митрофаном Спиридоновичем, он направился в свой кабинет, но уже на ступенях лестницы замер как вкопанный.

«Здравствуй, Петенька! Здравствуй, мой родной!»

С самого утра сегодня за окном дождь. Будто небо оплакивает со мной гибель любимого зятя. Месяца не прошло, как не стало с нами Саши, а непутевая дочь моя уже умчалась с очередным прохвостом. Ну, да Бог ей судья! Спасибо уже за то, что оставила мне внука. Всё бы ничего, воспитал бы не хуже других, да только чувствую, как силы меня оставляют. Ведь я уж совсем старик. Голова, слава богу, в порядке, не жалуясь, а вот ноги подводят, да сердце шалит. Умирать не страшно, душа у меня не загажена, долгов не нажил. Одна у меня печаль – Егор один остаётся. Чувствую потрепанным своим сердцем, что Настя моя уже не вернётся. Вот и пишу тебе с просьбой: не оставляй внука! Возьми в свой дом, воспитай, как когда-то я тебя воспитывал. Такова будет к тебе моя последняя просьба. Храни тебя Господь!

Письмо это пишу вместе с завещанием. Распорядился доставить его сразу по моей кончине».

Дочитав письмо, Петр Иванович опустил голову и закрыл глаза рукой. Все домочадцы прекратили разговоры и обернули к нему свой взгляд, даже дети остановили игру. Но никто не решался спросить Петра Ивановича о письме, пока тот сам не обратился к супруге:

– Оля, распорядись собрать мои вещи, я еду в Москву, – и немного помолчав, добавил: – Да, и пусть подготовят ещё одну детскую.

– Надолго? – безрадостно спросила Ольга Андреевна.

Вонзив в жену свой строгий взгляд, Петр Иванович ответил не терпящим возражения тоном:

– Навсегда!

Глава 8

Утреннее солнце ярким светом озарило улицы Воронежа. Распустившиеся кисти сирени наполнили своим ароматом улицы и бульвары. После долгой холодной зимы во всей Российской Империи восторжествовала весна. Яркая, пёстрая, цветущая, она наполняла сердца и души людей теплом, надеждой и самой чистой любовью к окружающему миру.

Под этим тёплым, весенним солнцем проснулся Воронеж. Выехали на проспекты экипажи, забегали от торговых лавок к хозяйским домам кухарки, вышли на улицы торговцы газетами, разнося свежую прессу, освещающую последние новости.

– Цусимское сражение! Полный разгром второй эскадры Тихоокеанского флота! – громко кричали они.

– Вот те новость, – разочарованно произнес Тишка Попов, кучер Митрофана Спиридоновича Мищенко.

– Да, кум, видать просрём войну эту. А ведь сколь убытков за этот год из-за неё понесли, сказать жутко, – ответил маленький чернявый Архип Гуляев. – А видать, поиздержался Митрофан Спиридоныч, раз к хозяину моему пожаловал, – продолжил он. – Сколько лет сюды глаз не казывал и вдруг на тебе. А что, Тишка, так глядишь и пойдёт по миру Митрофан, а то и Сенявина за собой потянет?

– Ты, кум, кубыть, Митрофана Спиридоныча не знаешь: война кончится – он ещё более прежнего наживет, – ответил Тишка.

– Наживёт, сукин сын, – вскипел Архип. – Нашим горбом он наживёт! Сам из мужиков вышел, а труд мужицкий ни в грош не ставит. Вот ты сколь годков пашешь на упыря этого с утра до ночи и ничего не нажил, а ему всё мало, ещё девку свою малую на тебя повесил, а ведь ты только своего дитя схоронил.

– Будет тебе, кум. Куды деваться, коль Златка его такая взгальная, да я и сам к ней уж дюже привязался. Бывает, работаю на базу, а она сядет рядом, да так и глядит на работу мою, глаз не отводя. Василиса глянет, да только руками разведёт.

– Дурак ты, Тишка! – ответил Архип. – Поболе меня бы слухал, уж я теперь знаю, как с ними со всеми надо.

Кумовья Тишка и Архип не виделись с самого Рождества, поэтому разговор их у центральной городской булочной мог бы продолжаться ещё долго, но появление Митрофана Спиридоновича заставило их замолчать.

– Тишка! – крикнул Мищенко своим зычным басом. – Будя лясы точить, поехали отсель!

– А ты тут чего трёшься? – грозно сказал он Архипу. – Всё подстрекаешь? Ступал бы лучше работать! Розг на вас, бездельников, не напасёшься! Ну, дай срок – я с вами ешо управлюсь!

Экипаж Митрофана Спиридоновича резко помчался вперёд, оставляя за собой клубы пыли. А Архип, презрительно сузив глаза, только плюнул ему вслед да язвительно прошипел:

– Рыжий пёс!

Путь от Воронежа до Богоявленского по тряской, ухабистой дороге составлял долгих четыре часа. Почти всё это время Митрофан Спиридонович, погружённый в свои мысли, молчал. Домой он возвращался черней ночи.

– Что, Митрофан Спиридоныч, плохи дела? – с неподдельной озабоченностью спросил Тишка.

– Ничего-ничего! – словно проснувшись, ответил тот. – Бог даст, на этот год оправимся. Как приедем, ко мне зайди – я тебе сахару дам.

– Благодарствуем, Митрофан Спиридоныч! – поблагодарил Тишка, погоняя лошадей. – Я надясь слышал, кубыть, в кубанских станицах взялись хранцузские трахтуры покупать, –

завел Тишка новый разговор, чтобы отвлечь хозяина от невесёлых мыслей. – Вот так купят на четыре семьи и пашут поля вместе. Быстро выходит да ладно.

– Хм, видать, богатеют казачки наши, – ответил Митрофан Спиридонович.

– А я вот как умствую, – продолжил Тишка. – От энтаких трахтуров вреда более чем пользы. Энто ведь какая штукавина тяжеленная! Она же всю землицу затопчет. А землица, она дышать должна. Нет, лучше коня ничто землицу не вспашет.

Из всех своих многочисленных работников Митрофан Спиридонович имел странную для себя привязанность к одному только Тихону Попову – Тишке. Тот же, в свою очередь, никогда не искал дружбы с Митрофаном Спиридоновичем и не стремился к его расположению. Он просто работал на него. А работал Тишка не разгибая спины, потому что знал: за хорошую работу Митрофан Мищенко щедро платит. Тунеядцам в его хозяйстве места не было. А трудолюбивый Тишка был ещё и предельно честным человеком, оттого-то Митрофан Спиридонович не боялся пускать его ни в своё личное хозяйство, ни в свой дом. А со временем и вовсе так привязался к нему, что уже и любимой охоты без него представить не мог. Бывало, по несколько дней пропадали они, и никто не видел Митрофана Спиридоновича таким весёлым и жизнерадостным, как за необыкновенными охотничьими Тишкиными байками, когда он только поглаживал свою рыжую бороду да раскатисто смеялся.

Тишка же, похоронивший трёх своих дочерей, в свою очередь, искренне привязался к младшей дочери Митрофана Спиридоновича – Злате. Эта маленькая барыня, княжеская крестница, непоседливая золотоволосая Злата, также тянулась к нему, простому мужику, словно чувствовала его добрую, свободную душу. Даже в поле бегала она за Тишкой и всё крутилась где-то рядом с любимым дядькой. Часто умилённые односельчане наблюдали, как шёл босой мужик по пыльной дороге и, крепко прижав к себе, нёс на руках безмерно любимую, но чужую дочь.

Глава 9

Маша Чадина, работница в доме князя Сенявина, проснулась от странного звука, будто что-то потрескивало за стеной. Она затаила дыхание и прислушалась внимательнее. Вроде бы всё тихо: мерно стучат старые ходики, была уже глубокая ночь, во сне храпит вечно пьяный отец, рядом спокойно спит маленький брат Митька, где-то скребётся мышь, за окном шумит ветер. Непогода задалась ещё с вечера, ярко сверкали молнии, а дождь всё не начинался.

Маша давно привыкла, что благополучие в их маленьком бедном доме лежит полностью на ней. Матери своей она почти не помнила. Когда той не стало, Маше было всего семь лет. Отец их, и без того горький пьяница, совсем потерял чувство меры в своей пагубной привычке. Средств к существованию практически не было, но Маша не могла опустить рук: у неё был маленький брат. Она и заменила ему мать: сама кормила, сама купала, пела колыбельные на ночь и всегда сидела рядом, пока он не заснёт. На маленькую девочку легла практически непосильная работа с домом и огородом. Немного повзрослев, десятилетняя Маша стала ещё и полноценно работать на кухне княжеской усадьбы. В помощницы к себе её взяла кухарка Алевтина, добрая женщина, жена Тишки Попова. Хоть труд Маши был тяжёлым, зато теперь она была спокойна: от голода они не пропадут.

Хозяева Машу никогда не обижали, вели себя с ней ласково, но, несмотря на это, в княжеском доме в ней проснулось недоброе чувство. Это было жгучее, всепоглощающее, невыносимое чувство зависти. И с каждым годом, проведённым в усадьбе Сенявиных, оно становилось только сильнее.

Теперь, повзрослев, семнадцатилетняя Маша стала всё отчетливее понимать, что ничего из того, что она каждый день видит в усадьбе и о чём так мечтает, будь то дорогая посуда или шёлковое бельё, картины в золочёных рамах или наряды княгини Ольги, её дорогие украшения, да и просто разносолы на обеденном столе, у неё никогда не будет, даже если она станет работать на княжескую семью круглые сутки не разгибая спины. И вместе с этим Маша была лишена возможности удачного замужества. Бесприданница, она отличалась такой неприглядной внешностью, что в свои лучшие годы совершенно не обращала на себя внимания мужчин. И всё-таки она продолжала надеяться на лучшее. Маша готова была поставить крест на своей жизни, лишь бы устроилась судьба её брата Митьки. Она делала всё, чтобы Митька меньше работал, и у него оставалось больше времени на занятия в церковно-приходской школе. Теперь ему было уже тринадцать лет, и Маша так мечтала, чтобы он устроился в городе.

А Митька всегда старался не огорчать сестру, учился прилежно, хулиганил в меру и в отличие от Маши никогда никому не завидовал. Он вообще не был на неё похож, особенно отличался красивой наружностью. Ладный и аккуратный, с яркими васильковыми глазами, так неорганичен он был в своей крестьянской жизни, и так неправдоподобно казалось его крестьянское происхождение. Только сам своей красоты он не замечал и с распахнутой душой принимал жизнь такой, какой она была ему дана со всеми радостями и горестями, не желая ничего больше того, что имел от рождения. Наверное, поэтому он так крепко спал по ночам и всегда видел только хорошие сны.

А вот Машин сон всегда оставался беспокойным и чутким. Не убедившись, что в доме всё в порядке, она бы не уснула. Поэтому, накинув на себя скатавшийся пуховый платок, опустила босые, растоптанные стопы на земляной пол вышла в сени. Шум над головой и гадкий запах гари дали понять, что случилась беда. Соломенная крыша их маленького дома стремительно разгоралась.

Их дом, основа которого состояла из тонкого дерева, вершков двух в отрубе, заплетенного камышом и обмазанного затем глиной, и без того самый бедный в селе, не имевший даже никаких построек на дворе, сгорел настолько быстро, что хозяева его не успели спасти практи-

чески ничего из скудного имущества. Теперь, сидя под открытым небом, им только оставалось догадываться, как выживать дальше.

Глава 10

– Положение, Тихон, очень тревожное, – вымыв руки, лекарь взял у Тишки чистое полотенце и продолжил говорить: – Судя по всему, у вашего сына чахотка, и уже давно. Мальчика нужно везти в Воронеж, а лучше в Москву или Петербург. Я понимаю, это далеко и дорого, да и в столице сейчас неспокойно – восстание матросов на «Потёмкине», но ничего другого не остаётся. В деревенских условиях невозможно не только лечение, но и диагноз точно установить трудно. Нужно показывать столичным докторам, и крайний срок – сделать это осенью. Иначе ваш сын может уже и не встать.

– Да как же нам денег-то собрать до осени? – тяжело вздохнул Тишка. – Мы ещё надьсы коровку прикупили, пять рублей отдали.

Тишкин сын Васька не спал, но виду не подал, что слышит. Ему тринадцать лет, он болезненно худ и бледен, и вот уже полгода, как харкает кровью. От чахотки уже умерли три его сестры, и по всему было видно: теперь его очередь. Но Васька был не из тех, кто сдаётся – он всегда боролся до победного конца. Он выплывал из омута, когда был совсем ребёнком и практически не умел плавать, он, худой, сухощавый мальчик, побеждал сильных ребят даже в самых отчаянных мальчишеских драках. Однажды он уже поборол болезнь, и пусть она оставила непроходящую, испортившую его лицо память, какое ему до этого дело, главное, что он сумел тогда победить и выжил. Сумеет и теперь, даже если родители не смогут найти денег, чтобы отвезти его в город. Единственное, на что он не рассчитывал, так это на ошибку лекаря: Фарух практически никогда не ошибался.

Как занесло этого человека в Богоявленское, никто не знал, просто однажды среди них появился яркой восточной наружности мужчина, с неслыханным до сей поры именем Фарух. И неслыханным врачебным даром. Поговаривали, что он даже учился в Московском университете, но по какой-то причине был вынужден покинуть его, едва окончив первый курс. Но как бы там ни было, к Фаруху быстро привыкли. Многие в Богоявленском относились к нему едва ли не как к святому, умеющему исцелять любые недуги, напрочь позабыв о том, что в Христа он не веровал.

Фарух и впрямь был талантливым лекарем и добрейшей души человеком. Он всегда оказывался там, где нужна помощь. Требуется ли лечение тяжелобольному односельчанину, Фарух тут, как тут. Нужно ли вскопать огород одинокой старухе, снова Фарух приходит первым. Просит ли приютить одинокий путник, двери в дом открыты. Все искали помощи у Фаруха, а он часто и платы не брал за работу, считая своим долгом помогать нуждающимся. Многие в Богоявленском сочли, что и женился он от непомерного добродушия. А иначе как было объяснить, что в доме его на правах хозяйки обосновалась дважды вдова, прескверная бабёнка Капитолина, отличавшаяся крайне лёгким нравом, да ещё и в весьма затруднительном для не первый год вдовешей женщины положении? Вновь пришёл на помощь, прикрыл срам, не иначе, говорили односельчане. Каково же было их удивление, когда выяснилось, что родившаяся Полина и впрямь его дочь.

Так Фарух и Капитолина зажили одной, хотя и невенчанной, семьёй. Это неприкрытое сожительство стало первым небывалым случаем для патриархального Богоявленского, но никто не посмел кинуть в их сторону и косога взгляда. Все продолжали любить Фаруха за доброту, отзывчивость и верить в его врачебный дар. Вот и в случае с Васькой, сыном Тишки Попова, Фарух забил тревогу очень своевременно.

К великой радости Поповых, деньги у них появились гораздо раньше, чем они рассчитывали. Тишке, как это уже не раз бывало, помог Митрофан Спиридонович Мищенко, и осенью Ваську отправили в Москву.

Через всё село бежали за повозкой по расхлябанной осенней дороге верные Васькины друзья: Мищенко Арсений и Чадин Митька, словно провожали они друга на недавно отгремевшую Русско-японскую войну.

– Эх, поскорее бы он возвратился, – с грустью произнес рыжеволосый Арсений.

– Ага, нам друг без друга никак нельзя, – с уверенностью вторил ему Митька.

Так и стояли они под мелким осенним дождём, провожая взглядом повозку, увозящую их друга в далекую Москву, пока не увидели движущийся в их сторону экипаж.

– Глянь-ка, какая карета! Кажись, даже у нашего барина такой нет, – удивился Митька.

– И то верно, – ответил Арсений. – К нам ли, иль проездом?

Поравнявшись с мальчишками, экипаж остановился. Не спеша из него вышел красавец подполковник в опрятном мундире, с Георгиевским крестом 4 степени и орденом Святой Анны 3 степени на груди и, немного оглядевшись, обратился к мальчишкам на странно произнесённом для них русском языке:

– Добрый день, господа! Как мне проехать к усадьбе князя Сенявина?

Глава 11

Готика развивалась в странах, где господствовала католическая церковь, и под её эгидой феодально-церковные основы сохранялись в идеологии и культуре всех западноевропейских жителей. Идеальным окружением готического замка становилась и пейзажная среда английского парка. Именно в таких традициях была выдержана и усадьба Сенявиных. Наверное, поэтому, немец по происхождению, Михаэль Нейгон мгновенно влюбился в неё.

– Отчего же вы не известили нас о своём приезде? Мы подготовились бы как подобает. Знаете, я так благодарна вам. Ведь вы, можно сказать, спасли моего сына и мужа во время восстания в Петербурге.

Ольга Андреевна обворожительно щебетала, кокетливо заглядывая в глаза неожиданному гостю. Она была как всегда бесподобна. Богатое тёмно-малиновое платье, роскошь которого дополняла необыкновенной красоты брошь из червонного золота розового оттенка с драгоценными камнями в виде летучей мыши, сидело на её фигуре идеально, а длинные белокурые волосы, уложенные в сложную японообразную причёску, говорили о том, что и вдали от столиц она не отставала от модных тенденций и оставалась истинной светской барышней. Но Михаэля её щебетанье сейчас только утомляло, и Петр Иванович, понимающий друга даже по взгляду, обратился к жене:

– Ольга, проверь, всё ли в порядке на кухне.

Перечить мужу Ольга Андреевна по обыкновению не стала и сразу удалилась. Петр Иванович деликатно поцеловав супруге руку поспешно проводил её.

– А что, Петя, такие причёски нынче в моде? – тихо спросил Михаэль, провожая взглядом Ольгу Андреевну.

– К сожалению, Михаэль, – с грустью ответил Петр Иванович, приглашая друга за бильярдный стол. – Нынче модно сочувствовать врагу, слать поздравительные открытки его императору.

– Невозможно передать, Петя, как тяжело воевать, когда у тебя в тылу царит такое предательство. Остаётся только догадываться, что это повлечёт за собой.

– Но не будем о либеральной элите. Будем уповать, что эти меньшинства – лишь временное явление.

– Верно, – поддержал друга Михаэль, разбивая пирамиду.

– Когда не стало Василия Саввича? – спросил он, переменив тему.

– На масленицу, царствие ему небесное! – ответил Петр Иванович, троекратно перекрестившись, глядя на образа.

– Жаль! Очень жаль! Он был хорошим человеком. А что внука его к себе забрал, правильно. Я знал Настю – с такой матерью ему было бы хуже.

– А знаешь, Егор моментально прижился в нашем доме. Особенно его полюбил Андрей. Теперь все его письма из Петербурга скорее адресованы Егору, нежели нам.

– Ничего удивительного, Петя, теперь у Андрея появился младший брат, – улыбнулся Михаэль.

– Верно-верно, – улыбнулся в ответ Петр Иванович. – Ну а ты, как я вижу, уже подполковник?

– Да, – застенчиво опустил глаза Михаэль, словно стесняясь своей успешной военной карьеры перед другом. – Но, к счастью, война закончилась, – с облегчением добавил он. – Хотя о Портсмунском мире я узнал уже в дороге.

– Ну что же, в газетах констатируют, что при поддержке Рузвельта Витте удалось добиться приличных условий мирного договора.

– Действительно? Как хорошо, что я не читал этих газет. Рузвельт тут ни при чём. Япония была слишком измотана войной и желала мира не меньше, чем мы. К концу войны японцы несли такие огромные потери, что активности уже не проявляли. Былого подъема у них не было. Япония оказалась совершенно истощена. Исчерпала она и людские ресурсы. Представь себе: среди пленных нам встречались даже старики и дети. Я видел всё это собственными глазами. А то, что Россия уступила Японии южную часть Сахалина, арендные права на Ляодунский полуостров и Южно-Маньчжурскую железную дорогу, а также признала Корею японской зоной влияния, я бы приличными условиями не назвал. Этот «мир» даёт Японии право претендовать на звание великой державы.

– Но, тем не менее, насколько мне известно, многие в Японии были не довольны мирным договором. Они ожидали получить больше территорий. Отчасти их притязания оправданны: первое время война проходила отнюдь не в нашу пользу, о чём в своё время говорил мне и ты. Посуди сам: ещё до официального объявления войны японские миноносцы атаковали корабли нашего флота в Порт-Артуре, чем на долгое время вывели из строя лучшие русские броненосцы и крейсер «Паллада», затем сражение при Мукдене, которое уже окрестили крупнейшим сухопутным сражением в истории. Наши войска за три недели потеряли почти девять тысяч человек и все равно оставили Мукден. И, невзирая на всё это, переговоры походили более на соглашение равноправных сторон, чем на договор, заключённый вследствие неудачной войны.

– Да-да, всё верно. И всё-таки все эти неудачи, о которых ты говоришь, вызваны более тем, что мы не могли использовать на столь удалённых от центра территориях весь свой потенциал. Соотношение сил на театре военных действий складывалось, увы, не в нашу пользу. К моменту атаки наших кораблей в Порт-Артуре, о которой ты говоришь, друг мой, наши войска насчитывали девяносто восемь тысяч человек, Япония же заявляет о трёхстах семидесяти тысячах со своей стороны. Те же пропорции и в вооружении. Разумеется, что в начале войны мы терпели неудачи. Да что там, даже к концу войны мы могли задействовать не более тридцати процентов своей постоянной армии. И тем не менее к моменту заключения мира количество бойцов увеличилось весьма значительно. Также армия усилилась и технически. Но Куропаткин мобилизовал все эти силы неверно, выбрав тактику максимального истощения японской армии.

– Если я верно понимаю тебя, Миша, ты считаешь, что мы могли продолжить войну и закончить её победой?

– Да, Петя!

– Даже невзирая на незавершённость военно-стратегической подготовки, колоссальную удалённость театра военных действий от главных центров страны и чрезвычайную ограниченность сетей коммуникаций?

– Все эти сложности за год мы практически преодолели.

– Но не преодолели главного, – взяв трость, Петр Иванович отошёл от бильярдного стола.

Подойдя к двери, он плотно закрыл её створки и, понизив голос, с тревогой добавил:

– От решительных действий на фронте наше командование вынуждено было отказаться из-за начавшейся в стране смуты. После того страшного воскресенья антиправительственные настроения нарастают как снежный ком. По всей стране стачки. Дошло до того, что в начале месяца произошла и политическая забастовка. Бастуют даже госбанк и министерства.

– Слышал, – тяжело вздохнув, ответил Михаэль. – Возвращаясь домой, я проехал всю страну – и вся страна гудит, – почти шёпотом добавил он.

– В таких условиях затягивать войну стало бы слишком опасным предприятием.

– У правительства есть только один способ остановить всё это – ограничить монаршую власть.

– Государь не допустит, – уверенно ответил Петр Иванович.

Будучи убеждённым монархистом, он даже слышать не желал об ограничении самодержавия, полагая, что любые изменения в политической системе повлекут за собой цепочку уступок, уничтожившую в итоге как монархию, так и империю в целом. Михаэль же, напротив, видел будущее России конституционным и желал скорейших реформ сверху, пока их не начали снизу. Но, невзирая на разнящиеся методы, целью оба друга видели благополучие и процветание России без насилия и крови.

– Боюсь, что у государя не осталось другого выбора, кроме реформирования политической системы, – ответил он.

– А знаешь, Петя, – немного помолчав, добавил Михаэль. – Я всё-таки рад, что война не была продолжена. Войну можно было бы вести до победного конца, но сколько ещё человеческих жизней стоило бы положить на алтарь этой победы? Десять, двадцать тысяч? И это только ежели малым числом считать! Не слишком ли это высокая плата? Да, быть может, тогда в памяти потомков эта война осталась бы в ином свете, и всё равно я убежден: такую плату нельзя оправдать. Я немец и до этой войны знал русский народ очень мало, имея общение всё больше с дворянством, с офицерством. Как я был далёк от подлинного лица русского человека, русского солдата. Эта война открыла для меня его, когда плечом к плечу я прошёл с ним такие испытания, что и вообразить было нельзя. Сколько тягот, сколько лишений пришлось вынести. Совершая тяжелейшие переходы по сопкам в дождь, в снег, когда пронизывающий ветер так силён, что сбивает с ног на обледенелой земле, но никто из моих солдат не роптал, никто не спросил, зачем он здесь в такой дали от дома, за что проливает кровь? Раз родина послала, говорили они, значит надо!

Закурив папиросу, Михаэль погрузился в воспоминания:

– Это было в февральских боях под Мукденом. Наш полк был разделён на два отряда, мы прикрывали отступление 1-го армейского корпуса, когда японцы прорвали расположение наших войск у деревни Киузан. Мы оказались под шквальным огнём. Ни поддержки, ни резервов. Лежать под обстрелами было несладко, я понимал, что нужно спуститься к реке и перебраться на другую сторону. Но ясного отчета, как это сделать, я себе не отдавал, просто перебежал к солдатам и, крикнув «за мной», вошёл в реку. А она будто кипела – так сильно били по воде пули, по реке шли пузыри. Первых переведённых людей я устроил и вернулся обратно, чтобы перевести остальных. Так переходил реку ещё дважды. Вернувшись в очередной раз, я встретил тяжелораненого командира полка и подполковника, так я понял, что остался в полку старшим. Я понимал: на меня легла очень тяжелая нравственная ответственность. Мне необходимо было собрать остатки отряда, выстроить эту массу людей в колонну, развернуть штыки. Но как, когда эта масса по крику одного «японцы бьют», поворачивала назад. И так несколько раз. Нервы были взвинчены страшно. Я чувствовал, что, поверни солдаты ещё раз назад, и я инстинктивно подчинюсь её влиянию. Но был в этой массе кавалерист, помню его так ясно, будто вчера. Почти мальчишка, худой, шинель распахнута. Под ним убило лошадь, а он хоть бы что, стреляет в воздух, останавливая толпу. Столько сил мне придала его отвага. Вместе нам удалось собрать остатки офицеров, выставить их впереди и сзади колонны, чтобы удерживать бойцов от поворота. Только благодаря этому решению солдаты стали подниматься на сопку, пошли в атаку. Уже сильно стемнело. Не доходя до японских окопов, я был свален ударом пули. Я пролежал несколько минут без памяти, а затем был подхвачен тем самым кавалеристом. Его лицо было залито кровью, а он меня взвалил себе на спину, так и тащил до санитарного обоза. Как его звали? – потирая лоб, пытался вспомнить Михаэль. – Как же его звали? Алеша! Да, Алеша! Серебрянов Алексей. Клянусь, я разыщу его и непременно вас познакомлю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.